

РОЖДЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

ОКТАБРЬ для нас, советских людей, особый праздник. Он словно вобрал в себя все цвета и краски нашей жизни. Его отмечают все прогрессивные люди мира, где бы они ни жили. И все же это прежде всего наш советский праздник — день рождения нашей социалистической Родины.

Для нас, артистов, художников, писателей, музыкантов, людей творческого труда, Октябрь в искусство кровно связан. Ибо в эти октябрьские дни в нашей революционной стране родилось новое искусство, поставившее перед собой высокую цель служения народу, идеалам коммунизма, социальному прогрессу всего человечества. С революцией возникло много новых театров, студий. Начался невиданный доселе взлет человеческого духа. С именем Октября тесно связаны имена таких выдающихся деятелей советского театра, таких корифеев искусства, как К. Станиславский, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов...

Вахтангов понимал революцию как непрерывный процесс движения жизни, совершенствования творческих сил человека. Наш театр родился непосредственно из третьей студии МХАТа, из каждого сценического обновления, которой был полон ее вдохновитель и гениальный театральный реформатор Константин Сергеевич Станиславский.

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР

□ □
Вслед за октябрьскими праздниками мы будем отмечать пятидесятилетие нашего театра.

ПУСТЬ читатели поймут меня, актера вахтанговского театра, который проработал в нем двадцать один год, пусть поймут мое желание поведать как можно более широкому кругу читателей в нашем родном доме.

Я не буду рассказывать историю его возникновения. Хочу только сказать несколько слов о его создателе, каким он дошел до нас в воспоминаниях, в восприятии и даже, если так можно выразиться, в глазах его учеников — наших учителей. Нередко память о человеке довольно быстро «затягивается» временем. Но есть имена, в данном случае я говорю о деятелях культуры, память о которых с каждым годом становится, напротив, все более яркой, все более глубокой. Вероятно, это происходит не только в силу значимости этих людей в искусстве, но и в силу того огромного впечатления и неизгладимого следа, который они оставили в душах и сердцах тех, кто с ними встречался.

С тех пор прошло вот уже пять десятилетий, а наши учителя рассказывают

о революциях, о Вахтангове, о том далеком и близком нам времени с таким волнением и с такой любовью, которую нельзя «наиграть» при самом большом театральном опыте. Они с таким трепетом говорят о Вахтангове, и с таким, а бы сказал, «обожествлением» (я сознательно употребил слово, ибо речь идет о таланте, а может быть, даже гении этого режиссера), что он — до нас, не виденных его, доходит как некая близкая и в то же время легендарная фигура. Близкая потому, что его советы, его деяния живут в людях — тех, которых мы знаем близко.

Для нас Вахтангов — действительно легендарная фигура человека, который сумел создать театр, в котором мы сейчас трудимся, творим и живем. Дало в том, что по существу он успел только набросать очертания и ярко эскиз нового театра, рожденного Октябрем. «Принцесса Турандот» — его первый спектакль; сам режиссер, тяжело больной в то время, даже не видел его премьеры. И уже ученики Вахтангова потом вырастили этот плод, превратили его в театр, в тот слаженный, своеобразный и интересный коллектив, который унаследовал все лучшее от своего учителя, от беспокойного и прекрасного времени. И нам дорого в нашем театре все вахтанговское. Ведь Евгений Багратио-

нович в своих высказываниях, дневниках и письмах, говоря о революции, безговорочно принимал ее и как революцию в искусстве, как поиски новых путей развития его, как высокое требование к таланту — служить народу! Он неустанно говорил о народности истинного искусства: «Чтобы одержать победу, художнику нужна Антеева земля. Народ — вот эта земля». И еще: «То, что отложилось в народе, — непременно бессмертно. Вот сюда художник должен устремить глаза своей души».

Вахтангов — вся сила, мощь, гигантский талант этого человека, — вероятно, выразился в том, что он шел в искусстве своими, непроторенными дорогами. Его заветам, в большей или меньшей степени, следовали его ученики, такие, как Б. Щукин, Р. Симонов, Ю. Завадский, Б. Захава, И. Толчанов, Ц. Мансурова, Е. Алексеева. Не всегда, не в каждом спектакле открывались им новые дороги. Но в истории театра существует ряд выдающихся спектаклей, в которых ярко, весомо отразились дух Вахтангова, великие времена.

Естественно, каждый театр ищет свой путь. И театр наш в этом смысле не отличается от других. Только в лучших своих постановках он ведет поиск своим, вахтанговским методом. Что это такое? Вопрос довольно сложный. Все мы, вахтанговцы, понимая и чувствуя его одинаково, не можем выразить его в математически точной формуле. Каждый актер, режиссер, художник по-своему формулирует этот метод.

В чем для меня выражается вахтанговский метод? Не боясь повториться, хочу сказать — в изыскании жизненных, преобразующих сил. Лучшие спектакли в нашем театре ярко выражают этот изысканный жизненных сил народа, эпохи. Это не просто «восторги», не пустое

бодрчество! Отнюдь нет! Это — ощущение жизни во всей ее полноте, биение пульса времени в каждом спектакле, будь это комедия, драма или трагедия. Все это относится прежде всего к лучшим достижениям театра. Ведь читая эти строки, кое-кто может сказать: «Я видел у вас очень средние спектакли, которые ничем не отличаются от обычных». Да, у нас есть и такие. Но ведь не существует породы, состоящей только из драгоценной руды. Прежде, чем добыть ее, надо раскопать, «выбрать» огромное количество породы, найти минералы — «спутники», которые укажут верное направление поиска. Так все в природе и создано. В ней в чистом виде ничего не существует. И найденную руду еще надо «обогащать». Так и в искусстве: прежде, чем доберешься до настоящих глубин, сколько переработаешь породы.

Да, у нас существует «порода», но не менее «добыча» наша, как говорят, довольно высокая, «на-гора» мы, я имею в виду наш театр, выданы за эти годы много спектаклей, ставших событиями в театральной жизни страны.

В творческом горении, в утверждении жизненных начал и поэзии действительности, в театральной, яркой форме для меня лично и заключается искусство нашего театра.

Я не берусь формулировать, в чем смысл «вахтанговского метода». Я только хочу рассказать о том, как ученики Вахтангова от поколения к поколению воспитывают и передают вахтанговское видение жизни. И когда на нашу сцену приходила настоящая большая литература, когда мы находили вахтанговское решение для нее, тогда у нас и получались такие спектакли, как «Егор Будаимов и другие», «Человек с ружьем», «Город на заре», «Интервенция»,

«Фронт», «Виринея», «Мадемуазель Ни-туш», «Иркутская история», «Флюменна Мартурано». Разные, непохожие спектакли, но окрыленные одним — пафосом жизнеутверждения, высоким слогом литературного и театрального начал.

ТРИДЦАТЬ лет руководил Театром имени Е. Вахтангова один из лучших его учеников — Рубен Симонов. Иногда я думаю, почему именно Р. Симонов бессменно руководил театром столько лет. Наверное, это случилось в силу того, что, может быть, как никто другой, он олицетворял вахтанговское начало в театре. Оно — в симоновском глубоким осмыслении действительности, в виртуозном ощущении формы, в артистичности его натуры и в неизбывной глубокой ревностной любви именно к Театру Вахтангова и ко всему, с чем связало это имя.

Он был в этом смысле яростным борцом, иногда чересчур ревностно относившимся к тому или иному спектаклю своего или другого театра. Надо сказать, что Рубен Симонов был замечательен еще в том, что он любил театр провинциально, постоянно думал о его будущем. Он воспитал целое поколение актеров, на которых сейчас лежит основной репертуар театра. Это имена его любимых учеников и его воспитанников училища имени В. Щукина украшают ныне афишу — Н. Гриценко, Ю. Яковлев, Ю. Ворисова, Л. Павлова... Всех их он «поставил на ноги». Рубен Симонов был очень доверчив в актерах, учил их не словам, а ролям. Сейчас они стали славной сердцевинной театра, залогом его успеха. И велика ныне ответственность их и нашего главного режиссера Евгения Симонова, который принял роль театра. Они должны совершенствовать вахтанговские традиции.

Вахтанговский театр, мне думается, оказал большое влияние и на становление советской драматургии, и на творческий путь многих наших театров. Не только в Москве, но и во многих городах нашей страны плодотворно работают выпускники вахтанговской школы, утверждая на сцене «театральность подлинную и здоровую, очищенную от всякой пошлости», обогащая многообразие палитры советского искусства театра.

Я, как и все мои товарищи, думаю о будущем советского театра. Ведь молодость театра — не только в молодости его духа. Кочкается наши праздники, продолжатся трудные и радостные будни. И после всего того, что мы переживаем в эти дни, в том числе и отмечая пятидесятилетие своего театра, пожалуй, нам будет сложнее жить дальше. Дальше нам надо будет еще более трезво оценивать свои силы и более сложные решать задачи. И, вероятно, проблема дальнейшей нашей жизни заключается не только в подборе репертуара, ярко и вдохновенно отражающего жизнь нашей страны, создавшей такое прекрасное искусство, или в сценическом решении спектаклей, но и в воспитании молодого поколения художников, которое будет умножать славные традиции театра, рожденного Октябрем.

Наш праздник, праздник искусства — в вечных боях за новое, в неустанном процессе творческого обновления, в верном служении народу.